O.V.K — X.T.R

АСТРОЛОГИЯ

СИСТЕМА ЗНАКОВ И ИСТОРИЯ

ЧТО В НЕЙ УСТРОЙСТВО, А ЧТО ВЕРА

O.V.K — X.T.R

АСТРОЛОГИЯ

СИСТЕМА ЗНАКОВ И ИСТОРИЯ

Книга о языке, описывающем небо как знак и человека как отражение:
от Вавилона и Птолемея к Кеплеру и Лилли,
о светилах, знаках, домах и аспектах — и о границе между устройством и верой

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Звёзды склоняют, но не принуждают».

— присловье схоластов, приписываемое Фоме Аквинскому

Книга писана для того, кто строит карту неба,
и для того, кто читает её о себе.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за закон природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

☆ ☆

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое астрология 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Вавилон и Египет 5
V. Птолемей и греки 6
VI. Арабы, Возрождение, Кеплер 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем астрология не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО

IX. Небо как часы 11
X. Семь светил 12
XI. Двенадцать знаков 13
XII. Дома 14
XIII. Аспекты 15
XIV. Карта рождения 16
XV. Толкование 17
XVI. Разделы ремесла 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РЕМЕСЛО

XVII. Астрология и время 20
XVIII. Астрология и тело 21
XIX. Астрология и алхимия 22
XX. Астрология и таро 23
XXI. Астрология и характер 24
XXII. Хорарный вопрос 25
XXIII. Выбор времени 26
XXIV. Астролог и спрашивающий 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПОРЧА РЕМЕСЛА

XXV. Газетный гороскоп 29
XXVI. Эффект Барнума 30
XXVII. Предсказание как ловушка 31
XXVIII. Астролог-вымогатель 32
XXIX. Знак, принятый за причину 33
XXX. Спор с астрономией 34
XXXI. Проверки и их чтение 35
XXXII. Судьба и свобода 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего астрология не может 38
XXXIV. Что устройство, а что вера 39
XXXV. Карта как зеркало 40
XXXVI. Упражнения 41
XXXVII. Гигиена толкующего 42
XXXVIII. Правила строящего карту 43
XXXIX. Правила читающего толкование 44
XL. Заключение: небо и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСНОВАНИЯ

Откуда пошло звездословие, что в нём от Вавилона,
что от греков и что от Возрождения,
и отчего небо читали как язык, а не как причину

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое астрология

☆

Астрологией зовётся язык, описывающий небо как систему знаков, а человека и событие — как их отражение; и три слова в этом определении — язык, знак, отражение — суть всё, о чём книга.

Определение отделяет её от двух соседей. От *астрономии* — ибо та измеряет небо и не спрашивает, что оно значит; астрология берёт измеренное и читает. От *гадания* — ибо гадание спрашивает случай, а астрология — устроенное: положение светил в час рождения известно точно и не зависит ни от карт, ни от костей.

Книга эта стоит рядом с книгами о герметизме, о символе и о знаке. Первая — об учении, в котором «как вверху, так и внизу»; вторая — о знаках, значащих больше кода; третья — об устройстве знака вообще. Астрология есть старейшая из целостных систем знаков, и её история есть история того, как небо стало текстом.

Различим три вещи, кои в обиходе смешивают. **Вычисление** — где стояли светила: это астрономия, и она точна. **Символика** — что значат светила, знаки, дома: это язык, и он последователен. **Связь** — отчего небо и человек отражают друг друга: это вера или гипотеза, и о ней глава тридцать четвёртая. Три слоя, и всякий надлежит держать отдельно.

Оттого части книги таковы: вторая — устройство: часы, светила, знаки, дома, аспекты, карта, толкование; третья — ремесло: связь со временем, телом, алхимией, таро, вопросом; четвёртая — порча ремесла; пятая — граница устройства и веры, карта как зеркало и правила.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

☆

Греческое «астрология» составлено из «астрон» — звезда — и «логос» — слово, учение: словесность о звёздах. Русское «звездословие» переводит точно; «звездочётство» — старое имя того же.

Астрономия — «закон звёзд» — и астрология были одним ремеслом до семнадцатого века: Птолемей, Кеплер, Тихо Браге писали о том и другом; и различие слов установилось позже различия дел.

Различим слова. *Зодиак* — «круг животных»: пояс неба, по которому идут светила, делённый на двенадцать. *Знак* — двенадцатая часть зодиака, не созвездие, о чём глава девятая. *Гороскоп* — «смотрящий час»: первоначально восходящая точка, асцендент; ныне — вся карта и всякий прогноз. *Планета* — «блуждающая»: семь светил, движущихся среди неподвижных звёзд. *Аспект* — «взгляд»: угол между светилами. *Эфемериды* — «ежедневные»: таблицы положений.

«Влияние» — от латинского «втекание»: представление, что от светил нечто втекает в мир; слово хранит старую физику, о которой глава двадцать девятая, и его надлежит употреблять осторожно.

Заметим наперёд, что в этой книге *астрология* означает язык и ремесло, а не приговор о них: устройство языка описывается одинаково для того, кто говорит на нём, и для того, кто изучает.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они же отделяют ремесло от газетной колонки.

Первое: небо есть часы. Астрология стоит на астрономии: положение светил вычисляется на любой час прошлого и будущего с точностью до минут дуги. Карта рождения есть снимок неба, и снимок этот верен независимо от того, что о нём думают. Об этом глава девятая.

Второе: небо есть язык. Светила, знаки, дома и аспекты суть знаки со значениями, сложившимися за три тысячи лет; язык этот последователен, богат и переводим, как всякий язык. Марс значит «действие», Сатурн — «предел»; и значит по коду, о чём книга о знаке.

Третье: карта есть зеркало. Толкование карты есть чтение текста о человеке, и правила его суть правила герменевтики: часть по целому, целое по частям, с оглядкой на то, что читающий вносит своё. Карта не предписывает, а описывает на своём языке, и описание это читающий примеряет.

Из трёх положений выводится и устройство второй части, и главная порча, разобранная в главе двадцать пятой: колонка по солнечному знаку, где от языка осталось одно слово из двенадцати.

И заметим родство с книгой о герметизме: «как вверху, так и внизу» есть основание астрологии, и понимать его можно как причину или как соответствие; второе — язык, первое — вера, о чём глава тридцать четвёртая.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Вавилон и Египет

☆

Астрология родилась в Междуречье из наблюдения за небом ради календаря и знамений, и первые её шаги записаны на глине.

Знамения. Вавилонские жрецы с второго тысячелетия до нашей эры записывали: «если Луна затмится в такой-то месяц — царь умрёт», — и вели списки соответствий между небом и делами царства. Это была астрология государства, а не человека; и она же дала точнейшие наблюдения древности: периоды планет, затмений, движения Луны.

Зодиак. Около пятого века до нашей эры вавилоняне разделили пояс неба на двенадцать равных частей по тридцать градусов, дав им имена созвездий; так родился зодиак как мера, а не как созвездия. Первая известная карта рождения — 410 год до нашей эры.

Египет дал деканы — тридцать шесть звёзд, восходящих по десять дней, — и часы; из деканов вышли «лики» знаков. Дендерский зодиак на потолке храма Хатхор — поздний, эллинистический, но египетский по образам. О египетской линии — книга о герметизме.

Соединение. В Александрии после Александра вавилонский зодиак, египетские деканы и греческая геометрия сложились в одно ремесло; и текст, приписанный Гермесу Трисмегисту, скрепил его философией.

Чему это учит: астрология выросла из точнейшей науки своего времени, и её первое основание — небо как часы — было положено теми, кто эти часы построил.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Птолемей и греки

☆

Греки превратили вавилонские знамения в систему, и книга Птолемея «Тетрабиблос» стала её учебником на полторы тысячи лет.

Птолемей во втором веке написал «Альмагест» — астрономию — и «Тетрабиблос» — астрологию — как две части одного знания. Во второй он вывел значения светил из их природы: Солнце греет и сушит, Луна увлажняет, Сатурн холодит; знаки — из времён года; и построил астрологию как физику влияний, о чём глава двадцать девятая.

Четыре стихии и четыре качества — тёплое, холодное, влажное, сухое — связали небо с телом и темпераментом; отсюда глава восемнадцатая и двадцать первая.

Дорофей Сидонский и **Веттий Валент** дали ремесло: дома, жребии, управители, техники расчёта сроков. Валент писал по опыту сотен карт и жаловался на клиентов; это первый голос практика.

Спор. Карнеад и скептики возражали: близнецы имеют разные судьбы, а погибшие в одном бою — разные карты. Возражение это доныне главное, и о нём глава тридцать первая. Августин повторил его и добавил, что предсказатели угадывают, ибо им помогают демоны; средневековье приняло оба довода.

Чему это учит: греки сделали из знамений язык с грамматикой — природами, качествами, углами, — и язык этот сохранился, когда физика, его обосновывавшая, ушла.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Арабы, Возрождение, Кеплер

☆

Ремесло прошло через арабский мир, вернулось в Европу с университетами и достигло вершины у тех, кто его же и подорвал.

Арабы. Абу Машар в девятом веке связал астрологию с Аристотелем и дал теорию великих соединений Юпитера и Сатурна как часов истории; Аль-Бируни написал учебник, ясный доныне. Через переводы Толедо всё это пришло в Париж и Болонью, где астрология стала университетской наукой при медицине.

Возрождение. Фичино лечил меланхолию талисманами и музыкой под Сатурн и Юпитер; Пико делла Мирандола написал против астрологии двенадцать книг, доказывая, что небо действует лишь светом и теплом; Парацельс связал светила с металлами и органами. Спор внутри, а не снаружи.

Кеплер составлял гороскопы ради хлеба и называл астрологию «глупой дочерью, кормящей мудрую мать»; и всё же верил, что аспекты — углы — действуют на душу, ибо душа геометрична. Он же открыл законы движения планет, ища музыку сфер.

Разрыв. С Ньютоном небо стало механикой; университеты закрыли кафедры; астрология ушла в альманахи и вернулась в девятнадцатом веке как язык души, а не физика влияний. Ремесло пережило свою физику, ибо было языком; об этом — пятая часть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

У нас звездословие шло окольно: через отреченные книги, через Брюса и через возвращение в конце двадцатого века.

Отреченные книги. Церковь с четырнадцатого века вносила «Звездочётец», «Громник», «Лунник» в списки запрещённых — и переписчики переписывали их же; в «Изборнике» 1073 года уже есть зодиак с именами. Запрет свидетельствует о живости.

Брюс. Яков Брюс, сподвижник Петра, издал в 1709 году календарь с предсказаниями по светилам; «Брюсов календарь» печатали два века, и имя Брюса стало именем чернокнижника. Он же основал первую обсерваторию в Сухаревой башне — астрономия и астрология в одном лице, как у Кеплера.

Ломоносов высмеивал астрологию и писал оды Солнцу; Пушкин помнил, что «звездочёты» есть слово о власти — в «Золотом петушке».

Флоренский писал о символизме неба и календаря; в двадцатом веке при запрете ремесло жило в рукописях, и возвращение его в 1990-е годы было бурным и неровным: за десять лет — от полного отсутствия до колонки в каждой газете, о порче которой глава двадцать пятая.

Урок линии: астрология у нас была то запретом, то календарём, то потоком; и ремесло, знающее свою историю, отличает себя от потока тем, что знает историю.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем астрология не является

☆

Отсечём лишнее, ибо словом этим зовут и ремесло, и его порчу.

Она не есть астрономия. Астрономия измеряет, астрология читает; первая говорит, где Марс, вторая — что это значит на её языке.

Она не есть наука о причинах. Птолемеева физика влияний ушла; что осталось — язык соответствий, и о нём глава тридцать четвёртая.

Она не есть газетный гороскоп. Двенадцать абзацев по солнечному знаку суть одно слово из тысячи, о чём глава двадцать пятая.

Она не есть приговор. «Звёзды склоняют, но не принуждают» — правило ремесла с тринадцатого века; и карта, читаемая как приговор, читается неверно.

Она не есть гадание в собственном смысле: положение светил не случайно; но толкование его подвержено всему, чему подвержено гадание, о чём книга о случае.

И она не едина: тропическая и сидерическая, западная и индийская, натальная и хорарная — разные языки одного корня.

Что же она есть? *Язык, читающий небо как систему знаков, а человека и событие — как их отражение; ремесло вычисления, символики и толкования*; и что в нём устройство, а что вера — предмет пятой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УСТРОЙСТВО

Небо как часы, семь светил и двенадцать знаков,
дома и аспекты, карта рождения,
толкование и разделы ремесла

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Небо как часы

☆

Астрология стоит на астрономии, и первое, что надлежит знать, — какое именно небо она читает: не то, что над головой, а вычисленное.

Эклиптика. Путь Солнца среди звёзд за год; вдоль него, в поясе шириною в несколько градусов, ходят и планеты. Пояс этот и есть зодиак.

Знаки, не созвездия. Зодиак разделён на двенадцать равных частей по тридцать градусов от точки весеннего равноденствия; части названы по созвездиям, которые стояли там две тысячи лет назад. Из-за прецессии — медленного качания земной оси — созвездия сдвинулись почти на знак; знаки остались на месте, ибо привязаны к равноденствию, а не к звёздам. Тропическая астрология читает знаки; сидерическая — индийская — созвездия; и обе последовательны в своём.

Часы. Солнце проходит знак за месяц, Луна — за два с половиной дня, Сатурн — за два с половиной года; всякое светило есть стрелка своего хода, и карта есть показание всех стрелок разом.

Точность. Эфемериды дают положения на любой день на тысячи лет с точностью до минут дуги; вычисление карты есть астрономия, и в этом слое астрология не ошибается никогда. О спорах с астрономией — глава тридцатая.

Правило: *прежде чтения удостоверься, что карта вычислена верно: время, место, система; ошибка здесь есть ошибка часов, и никакое толкование её не исправит.*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Семь светил

☆

Семь блуждающих светил, видимых глазом, суть первые буквы языка; и значения их выведены из того, как они выглядят и ходят.

Солнце — средоточие, свет, воля, царь, отец; ход годовой; в карте — ядро личности. **Луна** — переменчивость, отражённый свет, чувство, мать, народ; ход быстрейший; в карте — душа и привычка.

Меркурий — ближайший к Солнцу, быстрый, невидимый почти: вестник, речь, счёт, торговля. **Венера** — утренняя и вечерняя звезда, ярчайшая: любовь, красота, согласие. **Марс** — красный: действие, борьба, железо. **Юпитер** — большой и ровный: расширение, закон, удача. **Сатурн** — самый медленный и тусклый из видимых: предел, время, старость, труд.

Природы по Птолемею: Солнце и Марс горячи и сухи, Луна и Венера влажны, Сатурн холоден и сух, Юпитер тёпл и влажен, Меркурий переменчив. Отсюда — связь с телом, глава восемнадцатая.

Новые светила. Уран, Нептун, Плутон открыты в 1781, 1846, 1930 годах; язык принял их не сразу и дал значения по мифу имени и по духу времени открытия: Уран — переворот, Нептун — растворение, Плутон — преображение. Здесь видно, как язык растёт: новое слово получает значение по обстановке, о чём книга о знаке.

Правило: *светило значит по тому, как оно видно и как ходит*; значения не произвольны, но и не природны — они суть образы, ставшие словами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Двенадцать знаков

Знаки суть двенадцать частей года, и значения их выведены из времени года и из скрещения двух делений — на четыре стихии и на три качества.

	огонь	земля	воздух	вода
кардинальн.	Овен	Козерог	Весы	Рак
фиксиров.	Лев	Телец	Водолей	Скорпион
мутабельн.	Стрелец	Дева	Близнецы	Рыбы

Четыре стихии — огонь, земля, воздух, вода — повторяются по кругу трижды и дают темперамент: огонь деятелен, земля устойчива, воздух подвижен, вода чувствительна. **Три качества** — кардинальное, начинающее сезон; фиксированное, держащее его; мутабельное, завершающее — дают способ действия. Скрещение четырёх и трёх даёт двенадцать, и каждый знак есть одно сочетание.

Управители. Всякий знак имеет светило-хозяина: Овен — Марс, Телец — Венера, и так далее по старой схеме, симметричной от Льва и Рака; светило в своём знаке сильно, в противоположном — слабо. Это грамматика языка.

Правило: *знак есть не созвездие и не характер, а сочетание стихии и качества — слово из двух корней*; и читается он в сочетании со светилом, которое в нём стоит.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Дома

Знаки суть время года; дома суть время суток: они делят небо от точки восхода на двенадцать областей и говорят, в какой области жизни действует светило.

Асцендент. Точка зодиака, восходящая на востоке в час рождения; она меняется на градус за четыре минуты, и оттого час и место рождения решают всё. Древние звали её «гороскопом» — смотрящим час; она есть начало первого дома и в языке значит облик и подход к жизни.

Двенадцать областей: первый — сам человек; второй — имущество; третий — братья, дорога, речь; четвёртый — дом и корни; пятый — дети и радость; шестой — труд и здоровье; седьмой — брак и противник; восьмой — чужое и утрата; девятый — дальний путь и учение; десятый — дело и слава; одиннадцатый — друзья и надежды; двенадцатый — скрытое.

Углы. Восток, верх, запад, низ — асцендент, середина неба, десцендент, глубина неба; светило на углу сильно, ибо видно.

Спор о системах. Как делить небо между углами — равными дугами, по времени, по проекции — спорят полторы тысячи лет: Плацидус, Кох, равнодомная, целознаковая; и одно светило попадает в разные дома по разным системам. Спор этот есть честное признание, что дома — уговор, о чём книга о мере.

Правило: *дом говорит «где», знак — «как», светило — «что»*; и без точного часа рождения дома неизвестны, а карта — наполовину.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Аспекты

☆

Аспект есть угол между двумя светилами, и значения углов выведены из геометрии круга: деления на два, три, четыре, шесть.

Соединение — ноль градусов: светила в одном месте, силы слиты; природа сочетания зависит от природ светил. **Оппозиция** — сто восемьдесят: противостояние, напряжение, осознание через другого. **Тригон** — сто двадцать, треть круга: лёгкость, согласие, дар. **Квадрат** — девяносто, четверть: трение, усилие, работа. **Секстиль** — шестьдесят: возможность, требующая действия.

Откуда значения. Треть круга соединяет знаки одной стихии — оттого согласие; четверть — знаки одного качества, но разных стихий — оттого трение. Геометрия и стихии дают значение вместе. Кеплер верил в аспекты более, чем в знаки, ибо угол есть число, а число — душа.

Орбис. Допуск: аспект считается, если угол отличается от точного не более чем на несколько градусов; чем точнее, тем сильнее. Величина допуска — уговор, и школы спорят.

Фигуры. Несколько аспектов образуют фигуру: большой тригон, тау-квадрат, крест; и фигура читается как целое.

Правило: *аспект есть отношение, не свойство; и читать его надлежит между двумя, помня природы обоих и допуск*. О числе и его символике — отдельная книга.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Карта рождения

☆

Карта есть снимок неба на час и место рождения, и построение её есть вычисление — точное, проверяемое и одинаковое у всех школ.

Что нужно. Дата, час до минуты, место до города. Час решает асцендент и дома; неточность в четверть часа сдвигает асцендент на несколько градусов, а на границе знака — в другой знак. Оттого первое дело — удостоверить время: по записи, а не по памяти матери, о чём книга о наблюдении.

Как строится. Время переводится во всемирное с учётом пояса и летнего времени — здесь чаще всего ошибки; по эфемеридам берутся положения светил; по звёздному времени и широте вычисляется асцендент и куспиды домов; всё наносится на круг.

Что на круге. Двенадцать знаков по ободу; двенадцать домов от асцендента; светила в градусах знаков; аспекты линиями между ними. Круг читается против часовой стрелки от асцендента.

Проверка. Двое астрологов по одним данным получают одну карту; расходятся они в системе домов и допусках, и это расхождение оговаривается. Карта, построенная без указания системы, не полна, как мера без единицы.

Ректификация. Уточнение неизвестного часа по событиям жизни — ремесло спорное: оно подгоняет часы под толкование, и о такой подгонке книга о мере говорит как о кривом эталоне.

Правило: *карта есть часы; строй её как часы, проверяй как часы и оговаривай систему; толкование начинается после, а не вместо.*

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Толкование

Толкование карты есть чтение текста, и правила его суть правила герменевтики: от целого к частям, от частей к целому, с оглядкой на читающего.

Целое прежде частей. Сперва — распределение по стихиям и качествам, по полусферам, по фигурам; какое светило сильнее по положению; каков общий склад. Потом — части. Кто начинает с «Марс в Скорпионе», тот читает слово, не прочтя фразы.

Фраза. Светило в знаке в доме в аспектах есть одно предложение: подлежащее — светило, обстоятельство образа — знак, обстоятельство места — дом, связи — аспекты. Читаются вместе; словарь значений по отдельности — лишь словарь.

Достоинства. Светило в своём знаке, на углу, в аспекте с сильным — говорит громко; в чужом, в двенадцатом доме, без аспектов — тихо. Вес каждого слова определяется его положением, как в речи.

Синтез. Противоречия в карте — правило, а не исключение; и толкование состоит в том, чтобы найти, как они уживаются, а не в том, чтобы выбрать одно. Карта, прочитанная без противоречий, прочитана наполовину.

Читающий. Он вносит своё: ожидание, симпатию, знание о человеке. О своём желании как противнике — книга о наблюдении; о круге чтения — книга о герменевтике.

Правило: *толкование есть чтение, а не расчёт; и правила чтения — целое, фраза, вес, синтез, честность читающего — те же, что у всякого текста.*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Разделы ремесла

☆

Ремесло делится по тому, о чём спрашивают небо, и разделы его различны по строгости.

Натальная — карта рождения человека; о складе, склонностях, сроках. Самая распространённая и самая свободная в толковании.

Хорарная — карта на час вопроса: небо в момент, когда спросили, отвечает на спрошенное. Правила *Лилли* строги: вопрос один, час точен, ответ — да или нет с оговорками. О ней глава двадцать вторая.

Элективная — выбор часа для дела: венчания, закладки, отъезда. О ней глава двадцать третья.

Мунданная — карты стран, затмений, соединений; вавилонский корень ремесла. Абу Машар и великие соединения.

Медицинская — светила и части тела; глава восемнадцатая.

Синастрия — две карты рядом: отношения двух людей по аспектам между их светилами.

Прогностика — транзиты, дирекции, прогрессии: движение нынешнего неба по карте рождения как часы жизни. Здесь ремесло ближе всего к предсказанию и оттого к порче, о чём глава двадцать седьмая.

Правило: *прежде толкования назови раздел: вопрос, час и правила у каждого свои*; натальное толкование, применённое к хорарному вопросу, есть ошибка кода, о которой книга о знаке.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕМЕСЛО

Астрология и время, тело, алхимия и таро,
характер, хорарный вопрос, выбор времени
и беседа астролога со спрашивающим

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Астрология и время

☆

Астрология есть прежде всего календарь, и половина нашего счёта времени взята у неё.

Дни недели. Семь дней по семи светилам в порядке планетных часов: Солнце — воскресенье, Луна — понедельник, Марс — вторник, Меркурий — среда, Юпитер — четверг, Венера — пятница, Сатурн — суббота. В романских языках и английском имена эти живы; у нас остались счёт и «неделя». Об уговоре недели — книга о времени.

Планетные часы. Всякий час дня и ночи посвящён светилу по кругу от восхода; первый час дня — светилу дня. Схема эта дала порядок дней недели и служила для выбора времени, о чём глава двадцать третья.

Месяц и год. Знаки суть месяцы солнечного года; лунный месяц — ход Луны по кругу; и календарь всякого народа есть согласование этих двух, о чём книга о времени в главе о календаре.

Возрасты. Птолемей дал семь возрастов жизни по светилам — от Луны в младенчестве до Сатурна в старости; Шекспир взял отсюда «семь возрастов» Жака. Возврат Сатурна — около двадцати девяти лет — в языке ремесла есть первый порог зрелости; и он совпадает с тем, что о возрасте говорит опыт.

Циклы. Соединения Юпитера и Сатурна раз в двадцать лет — часы истории у Абу Машара; и обычай отмечать «эпохи» по ним жив в языке ремесла.

Правило: *астрология есть часы, ставшие языком; и, читая её как язык, помни, что часы в ней идут верно.*

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Астрология и тело

☆

Медицина и астрология были одним ремеслом до семнадцатого века, и следы этого союза остались в языке и в обычае.

Мелотезия. Знаки распределены по телу от головы к ногам: Овен — голова, Телец — шея, Близнецы — руки, Рак — грудь, Лев — сердце, Дева — живот, Весы — поясница, Скорпион — низ, Стрелец — бёдра, Козерог — колени, Водолей — голени, Рыбы — стопы. «Зодиакальный человек» есть картинка в каждом средневековом часослове.

Темпераменты. Четыре стихии суть четыре жидкости Гиппократа: кровь, жёлчь, чёрная жёлчь, слизь — сангвиник, холерик, меланхолик, флегматик; и карта читалась как соотношение жидкостей. Язык темпераментов жив доныне, хотя физиология ушла.

Луна и кровопускание. Кровь не пускали из части тела, чей знак занимала Луна; календари печатали таблицы. Обычай безвредный и, вероятно, бесполезный.

Парацельс связал светила с органами и металлами: Солнце — сердце и золото, Луна — мозг и серебро; о металлах — следующая глава.

Что осталось. Язык: «сатурнический» склад, «лунатик», «меркуриальный». И граница: медицинская астрология ныне есть язык описания, а не способ лечения, и ремесло, знающее свою историю, не путает одно с другим.

Правило: *тело в астрологии есть карта соответствий, а не механизм влияний; читать её можно, лечить по ней — нет.*

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Астрология и алхимия

☆

Семь светил и семь металлов суть одна система; и алхимия есть астрология, спущенная в реторту.

Соответствия. Солнце — золото, Луна — серебро, Меркурий — ртуть, Венера — медь, Марс — железо, Юпитер — олово, Сатурн — свинец. Знаки светил суть знаки металлов, и алхимические трактаты пишут «Сатурн» там, где разумеют свинец. О самой алхимии — отдельная книга.

Откуда. Цвет и свойство: золото солнечно, серебро лунно, ртуть подвижна как Меркурий, железо воинственно как Марс, свинец тяжёл и медлен как Сатурн. Образы светил и образы металлов совпали в языке, и совпадение стало учением.

Время работы. Алхимик начинал Делание под нужным небом — выбор времени из главы двадцать третьей; и стадии Делания описывались планетными образами: чернота Сатурна, белизна Луны, краснота Солнца.

Герметизм. «Как вверху, так и внизу» из Изумрудной скрижали есть общее основание обоих ремёсел: небо и металл, небо и человек соответствуют. О герметизме — отдельная книга; здесь довольно того, что соответствие есть отношение знаков, а не причин.

Для читающего: встретив светило в алхимическом тексте, спросить, о небе ли речь или о металле; чаще о втором, и о нём в образе первого.

Правило: *астрология и алхимия суть один язык на двух предметах; и переводить с одного на другой значит знать таблицу соответствий, а не верить в неё.*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Астрология и таро

☆

Таро и астрология сошлись поздно — в девятнадцатом веке — и с тех пор читаются друг через друга; знать таблицу соответствий надлежит всякому, кто берёт в руки колоду.

Золотая Заря. Орден конца девятнадцатого века свёл двадцать два старших аркана с двенадцатью знаками, семью светилами и тремя стихиями — по двадцати двум буквам еврейской азбуки; Уэйт и Кроули взяли эту схему в свои колоды, и она стала общей.

Старшие арканы. Император — Овен, Иерофант — Телец, Влюблённые — Близнецы, Колесница — Рак, Сила — Лев, Отшельник — Дева, Справедливость — Весы, Смерть — Скорпион, Умеренность — Стрелец, Дьявол — Козерог, Звезда — Водолей, Луна — Рыбы; светила — Маг — Меркурий, Жрица — Луна, Императрица — Венера, Колесо — Юпитер, Башня — Марс, Солнце — Солнце, Мир — Сатурн; стихии — Шут, Повешенный, Суд.

Младшие. Четыре масти — четыре стихии; тридцать шесть числовых карт от двоек до десяток — тридцать шесть деканов, по десять градусов знака, каждый с управителем. Так колода стала картой неба.

Что помнить. Соответствия эти — уговор одного ордена, принятый многими; Марсельская традиция их не знала. Уговор последователен и полезен; и он уговор. О символах таро — книга о символе.

Правило: *таро и астрология суть два словаря одного языка образов; переводи по таблице и помни, кто её составил.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Астрология и характер

☆

Карта рождения читается прежде всего как описание склада; и здесь язык астрологии богаче любого иного языка о человеке — и здесь же он опаснее всего.

Богатство. Семь светил в двенадцати знаках в двенадцати домах с аспектами дают сочетаний более, чем людей на земле; и всякий человек находит в карте себя — ибо язык вмещает всякого. Это сила языка и его ловушка: эффект Барнума из главы двадцать шестой.

Темперамент. Стихии суть темпераменты, и распределение светил по стихиям читается как склад: много огня — деятелен, много воды — чувствителен. Описание это совпадает с языком темпераментов Гиппократа и с тем, что о характере говорят обычные слова, — ибо взято из них.

Противоречие. Карта содержит всё: и огонь, и воду; толкование состоит в том, как они уживаются, о чём глава пятнадцатая. Человек, узнающий себя в «Солнце в Овне», не узнаёт в «Луне в Рыбах» — и обе в карте.

Самоописание. Сказать «у меня Сатурн на асценденте» есть способ сказать о себе точно и коротко на языке, который слушающий знает; язык этот не хуже языка типов или стихий, и он старше.

Граница. Описание не есть предписание: карта говорит на своём языке о складе, а не о том, каким быть; «звёзды склоняют». О свободе — глава тридцать вторая.

Правило: *карта как описание характера есть зеркало на языке светил; смотрящий узнаёт себя, и узнавание есть его дело, а не карты.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Хорарный вопрос

Хорарная астрология отвечает на вопрос по карте часа, когда вопрос задан; и правила её — строжайшие в ремесле, ибо ответ проверяем.

Устройство. Спрашивающий — первый дом и его управитель; спрошенное — дом по предмету: пропажа — второй, брак — седьмой, дело — десятый; и управитель его. Ответ — по отношению двух управителей: сходятся ли аспектом, в каком знаке, кто сильнее. Лилли в 1647 году изложил это на восьмистах страницах с примерами.

Правила вопроса. Один вопрос; заданный искренне и впервые; час — когда астролог понял вопрос; и карта, «негодная к суждению», — асцендент в первых или последних градусах, Луна без аспектов, — отвергается. Об устройстве вопроса — отдельная книга; хорарное ремесло знало предпосылку, область и ловушку задолго до неё.

Проверяемость. Ответ «да» или «нет» с оговорками сбывается или нет; и хорарный астролог ведёт счёт. Это единственный раздел ремесла, где счёт возможен, и о счёте предсказаний — книга о случае.

Что здесь устройство: карта и правила; **что вера:** что час вопроса связан с ответом. Первое строго, второе принимается или нет.

Правило: *хорарный вопрос есть вопрос по правилам; и правила эти — один, искренний, точный по часу, с ответом, который можно проверить, — годятся для всякого вопроса, а не только к небу.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Выбор времени

☆

Элективная астрология выбирает час для дела — венчания, отъезда, закладки; и устройство её есть устройство ритуала, о котором отдельная книга.

Ремесло. Найти час, когда управитель дела силён, Луна прибывает и в добром аспекте, асцендент в подходящем знаке; избегать ретроградных, пустой Луны, злых аспектов. Лилли выбирал часы для судов и путешествий, Кеплер — для закладки крепости.

Что это даёт. Благоприятный час есть назначенный час; и назначенное совершается, а неназначенное откладывается, о чём книга о времени. Выбор часа даёт делу начало, торжественность и решимость — то, что даёт всякий обряд.

Планетные часы из главы семнадцатой — простейший вид выбора: дело Меркурия — в час Меркурия.

Пустая Луна. Луна без аспектов до выхода из знака — «ничего не выйдет»; правило старое, и в нём есть житейская мудрость: не начинать в пустоте.

Граница. Выбор часа не отменяет подготовки, и Лилли предупреждал: наилучший час не спасёт дурного дела. Ремесло, знающее это, выбирает час как раму, а не как причину.

Правило: *выбранный час есть обряд начала; он действует как обряд — устройством, решимостью, назначенностью, — и об этом действии книга о ритуале говорит без звёзд.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Астролог и спрашивающий

☆

Толкование карты есть беседа, и беседа эта устроена так, что в ней легко обмануть и легко обмануться; честное ремесло знает опасности и держит правила.

Холодное чтение. Ментализм, о котором отдельная книга, читает человека по отклику: общее утверждение — и по лицу видно, продолжать ли. Астролог, читающий карту при спрашивающем, невольно делает то же; и толкование, подправленное по лицу, есть не чтение карты, а чтение лица. Честный толкует прежде встречи и письменно.

Барнум — глава двадцать шестая: общее принимается за точное. Честный говорит частное и проверяемое.

Вопрос спрашивающего. Он приходит с вопросом и с желанием услышать; о желании услышать как противнике — книга о вопросе. Астролог не должен знать желания прежде толкования.

Страх. «Тяжёлый Сатурн», «злой аспект» пугают; и напуганный платит, о чём глава двадцать восьмая. Честный говорит о трудном как о трудном, а не как о роке.

Зеркало. Лучшее употребление беседы — карта как повод для разговора о себе на языке, который даёт слова: спрашивающий узнаёт или не узнаёт, и узнавание есть его работа. Об этом глава тридцать пятая.

Правило: *толкуй письменно и до встречи; говори частное; не пугай; и помни, что беседа о карте есть беседа о человеке, а карта — язык, на котором её ведут.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПОРЧА РЕМЕСЛА

Газетный гороскоп и эффект Барнума, предсказание как ловушка,
вымогатель, знак, принятый за причину,
спор с астрономией, проверки и вопрос о свободе

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Газетный гороскоп

☆

Двенадцать абзацев по знаку Солнца суть то, что большинство зовёт астрологией; и это первая порча ремесла — язык, сведённый к одному слову.

Устройство. Из карты — семь светил, двенадцать знаков, двенадцать домов, десятки аспектов — взято одно: знак, в котором стояло Солнце. Двенадцатая часть населения получает один текст. На языке ремесла это всё равно что судить о человеке по первой букве имени.

История. Колонка родилась в 1930 году в английской газете, когда астролога попросили составить гороскоп новорождённой принцессы; успех был таков, что колонку сделали еженедельной, а для читателей — по знакам Солнца, ибо иного о них не знали. Ремесло здесь не при чём: это изобретение газеты.

Чем держится. Барнумом из следующей главы: общее принимается за своё. И повторением: читающий ежедневно привыкает.

Чем вредна. Тем, что от неё судят о ремесле, и суждение верно: колонка не предсказывает и не описывает. Проверки колонок дали то, что должны были дать: ничего.

Что честно. Астрологи ремесла зовут колонку развлечением и не защищают её; и первый признак ремесла есть отказ говорить по одному знаку.

Правило: *гороскоп по солнечному знаку не есть астрология, как первая буква не есть имя*; и знающий ремесло не читает колонок, а знающий их пределы — не судит по ним о ремесле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Эффект Барнума

В 1948 году Форер дал студентам один и тот же портрет, сказав, что он составлен для каждого; студенты оценили точность на четыре с лишним из пяти; и с тех пор всякий, кто толкует людей, обязан знать это имя.

Устройство. Утверждения общие — «вы стремитесь к признанию», «в вас есть неиспользованные возможности», «порой вы сомневаетесь в своих решениях» — подходят всем; и всякий, читая их о себе, узнаёт себя. Узнавание есть работа читающего, а не текста.

В астрологии. Язык её богат, и всякое сочетание светил можно описать так, чтобы подошло всем. Толкование, состоящее из общих мест, будет принято за точное — и это соблазн для толкующего: общее безопасно.

Проверка. Дать спрашивающему два толкования — своей карты и чужой — без подписи; если он не отличит, толкование было общим. Честные астрологи проходят эту проверку неохотно, и напрасно: она отделяет ремесло от Барнума.

Что помогает. Говорить частное: не «вы чувствительны», а «вы чувствительны к тому-то и в таких-то обстоятельствах»; говорить проверяемое; говорить и то, что не подойдёт, ибо в карте есть и оно. Толкование, в котором спрашивающий не узнал ничего чужого, не было о нём.

Правило: *толкование ценно тем, что можно не узнать*; о том же — книга о ментализме, где Барнум разобран как приём сцены.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Предсказание как ловушка

☆

Ремесло соблазняется предсказанием, ибо его просят; и предсказание есть то место, где ремесло теряет и честность, и счёт.

Непроверяемое. «Перемены в личной жизни в ближайшие годы», «трудный период», «важная встреча» — сбывается всегда, ибо не сказано ничего; о многозначности как устройстве пророчества — книга о знаке.

Проверяемое и страшное. Даты смерти, катастроф, разорений; Нострадамус и его четверостишия, читаемые задним числом. Проверяемое пророчество имеет счёт, и счёт этот для астрологии тот же, что для всех: о нём глава тридцать первая.

Сбывающее себя. Предсказанное влияет на предсказанного: ждущий беды осторожен или скован; ждущий удачи пробует; о внушении — отдельная книга. Предсказание есть внушение, и честный толкующий знает, что говорит не о будущем, а в будущее.

Что честно. Говорить о склонности, а не о событии; о времени, благоприятном для того-то, а не о том, что будет; и вести счёт, если сказал проверяемое.

Правило: *предсказание события есть порча ремесла; описание времени есть ремесло*; и различие между ними слышно в глаголе: «будет» против «время для».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Астролог-вымогатель

Ремесло, имеющее дело со страхом и надеждой, привлекает тех, кто торгует ими; и устройство этой торговли разобрано в книге об обмане, здесь же — её астрологический наряд.

Страх. «У вас тяжёлый Сатурн», «злой аспект на седьмой дом», «порча по карте» — и за снятие плата. Приманка — страх; легенда — чин ремесла; малый шаг — первая консультация. Всё по книге об обмане.

Зависимость. «Приходите перед каждым решением» — спрашивающий, разучившийся решать без карты. Ремесло, честное к себе, учит спрашивающего читать самому и отпускает.

Признаки. Пугает; обещает исправить; требует платы вперёд и повторно; запрещает спрашивать других; говорит о роке. Всякий из этих признаков есть признак не астрологии, а вымогательства в её одежде.

Честное ремесло имеет цену за работу — построение и толкование, — и не имеет цены за «исправление», ибо исправлять нечего: карта есть язык, а не порча.

Для спрашивающего: правила из книги об обмане — отсрочка, третий, вопрос об источнике выгоды; и вопрос к толкующему: что вы сделаете с моими деньгами и что сделаю я с вашим толкованием.

Правило: *астролог, продающий избавление от неба, продаёт избавление от того, чего нет; ремесло описывает, а не спасает.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Знак, принятый за причину

☆

Птолемей полагал, что светила действуют теплом и влагой; физика эта ушла, и ремесло, забывшее об этом, говорит «Марс делает», где надлежит говорить «Марс значит».

Два чтения. «Как вверху, так и внизу» из герметизма читается двояко: как *причина* — небо производит земное; и как *соответствие* — небо и земное суть отражения одного порядка, и по одному читают другое, как по часам читают время, хотя часы не производят его. Второе чтение есть чтение ремесла, пережившего свою физику.

Отчего важно. Причина требует механизма и проверяется мерой, о чём глава тридцать первая; соответствие требует языка и проверяется последовательностью. Смешивающий их спорит с астрономом о механизме, которого не защищает, и теряет язык, который мог бы защитить.

Юнг назвал соответствие без причины синхронистичностью и читал карты как язык души; о смысле совпадения — книга о случае в главе о случае и смысле.

Язык ремесла сам знает это: «Сатурн склоняет», «Марс указывает», «Луна отражает» — глаголы соответствия; «Сатурн вызывает» — глагол причины, и он из газеты.

Для толкующего: следить за глаголами; для читающего — тоже.

Правило: *светило значит, а не делает*; и ремесло, говорящее так, не спорит ни с астрономией, ни с собою.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Спор с астрономией

☆

Астрономы время от времени объявляют, что астрология устарела, ибо созвездия сдвинулись или открыт тринадцатый знак; спор этот стоит разобрать, ибо обе стороны в нём говорят мимо.

Сдвиг созвездий. Прецессия сдвинула созвездия относительно равноденствия почти на знак; астроном говорит: ваш Овен на самом деле Рыбы. Ответ ремесла: тропические знаки суть двенадцатые части года от равноденствия, а не созвездия, о чём глава девятая; они не сдвинулись, ибо привязаны к Солнцу. Индийская школа читает созвездия и тоже последовательна. Довод астронома бьёт по путанице слов, а не по ремеслу.

Змееносец. Эклиптика проходит через тринадцатое созвездие; но знаков двенадцать по определению, как месяцев, и «тринадцатый знак» есть газетная новость 1995 года, повторяемая каждые пять лет.

Где астроном прав. Механизма влияния нет: сила тяготения врача при родах больше силы Марса. Довод этот сокрушителен против чтения «причина» и безразличен для чтения «соответствие» из предыдущей главы.

Где ремесло право. Его вычисления суть астрономия, и оно знает небо не хуже; язык его последователен; и оно не утверждает механизма, если помнит себя.

Правило: *спор с астрономией есть спор о механизме; ремесло, говорящее о соответствии, в нём не участвует, а ремесло, говорящее о причине, его проигрывает.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Проверки и их чтение

☆

Астрологию проверяли мерой, и честное ремесло обязано знать итоги и то, что они значат.

Карлсон, 1985. Астрологам дали карты и по три описания характера, одно из которых принадлежало владельцу карты; выбрать верное они смогли не чаще, чем случайно. Опыт повторяли с тем же итогом.

Близнецы по времени. Люди, рождённые в один час в одном городе, прослежены на десятилетия: сходства в судьбе и складе не найдено сверх случайного.

Гоклен. Мишель Гоклен нашёл, что Марс чуть чаще стоит у угла карты выдающихся спортсменов; эффект мал, спорен, и повторения его разошлись; это единственная находка «за», и она не о знаках и не о толковании.

Что это значит. Как *предсказание* и как *физика* астрология проверок не прошла; и честное ремесло это принимает, как принял бы Лилли, ведший счёт своим хорарам.

Чего это не значит. Что язык бесполезен: языки не проверяются опытом Карлсона; язык проверяется тем, можно ли на нём сказать точное и услышать понятное. И что карта как зеркало пуста: зеркало не предсказывает, оно показывает смотрящему на языке, который он принял.

Правило: *проверка мерит причину и предсказание, и там астрология не находит подтверждения; язык и зеркало мерятся иначе, и о них — пятая часть*. Ремесло, знающее это, не спорит с проверкой и не сводится к ней.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Судьба и свобода

☆

Если небо предписывает, человек не свободен; спор этот старше христианства, и ремесло ответило на него присловьем, вынесенным в эпиграф.

Стоики принимали судьбу и учили свободе внутри неё: что не в нашей власти, принять; что в нашей — делать. Астрология стоиков была фаталистична, и свобода их — в отношении к предписанному.

Христианство отвергло рок: Августин против звездочётов, ибо, если звёзды правят, грех не вменяем. Фома примирил: звёзды действуют на тело и склонности, но не на волю; «склоняют, не принуждают». Формула эта позволила астрологии жить в университетах три века.

Ремесло приняло её как правило чтения: карта говорит о склонности, а не о поступке; о погоде, а не о том, выйдешь ли из дома. Кто читает карту как приговор, тот читает вопреки ремеслу.

Свобода и зеркало. Зеркало не предписывает лица; оно показывает, и смотрящий решает, что делать с увиденным. Об этом глава тридцать пятая.

Соблазн рока — в том, что он снимает ответственность: «так в карте». О том, что вера в отсутствие воли действует как её отсутствие, — книга о воле; и ремесло, говорящее «звёзды принуждают», отнимает у спрашивающего то, за чем он пришёл.

Правило: *склоняют, не принуждают*; и читать карту надлежит так, чтобы прочитавший ушёл свободнее, чем пришёл.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГРАНИЦА

Чего астрология не может, что в ней устройство, а что вера,
карта как зеркало,
как упражняться и какими правилами держаться

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего астрология не может

☆

Соберём пределы, ибо язык, вмещающий всё, соблазняет думать, что он знает всё.

Она не предсказывает событий. Проверки главы тридцать первой; и ремесло, помнящее себя, говорит о времени, а не о том, что будет.

Она не даёт механизма. Птолемеева физика ушла, новой нет; светило значит, а не делает.

Она не отличает близнецов. Одна карта — разные судьбы; довод Карнеада не опровергнут за две тысячи лет.

Она не заменяет знания человека. Карта есть язык; о человеке знают, глядя на него, о чём книга о наблюдении.

Она не едина: тропическая и сидерическая, системы домов, допуски аспектов — уговоры, и уговор надлежит называть.

Она не свободна от толкующего: он вносит своё, и своё это — половина толкования.

И она не говорит о должном: из того, что карта описывает склонность, не следует, как поступить.

Кто знает эти пределы, тот пользуется языком как языком — чтобы сказать и услышать — и не требует от него власти над небом и над собой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Что устройство, а что вера

Книга обещала эту границу с первой главы; проведём её по трём слоям, названным там.

Вычисление — устройство. Положение светил на любой час есть астрономия; карта есть снимок; ошибка здесь — ошибка часов, и она проверяется. Этот слой не требует веры и не допускает спора.

Символика — язык. Марс значит действие, Сатурн — предел, Рак — дом и чувство; значения выведены из образов светил и времён года и сложились в систему за три тысячи лет. Язык последователен, богат, переводим на язык таро, алхимии, темпераментов; на нём можно сказать точное и услышать понятное. Этот слой не требует веры в небо — лишь знания кода, как всякий язык; и спорить с ним всё равно что спорить с грамматикой.

Связь — вера. Что небо и человек отражают друг друга; что час рождения соотнесён со складом; что час вопроса соотнесён с ответом. Это принимается или не принимается; мерой не подтверждено; и книга этого не решает, ибо решить это может лишь тот, кто читает карту о себе.

Толкование — ремесло на всех трёх слоях; и честно оно, покуда знает, на каком стоит в каждую минуту.

> Часы — устройство; язык — уговор; связь — вера;
> и честное ремесло
> знает, на чём стоит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Карта как зеркало

Что остаётся от астрологии, когда причина и предсказание отставлены? Остаётся зеркало — и это не мало.

Устройство зеркала. Карта даёт язык, на котором можно говорить о себе: семь светил как семь сторон, знаки как способы, дома как области, аспекты как связи. Язык этот вмещает противоречия, о чём глава пятнадцатая, и оттого годится для человека лучше языка типов. Смотрящий в карту примеряет слова и узнаёт или нет; узнавание есть его работа, и работа эта — самонаблюдение, устроенное языком.

Юнг пользовался картами так: не предсказывать, а дать пациенту образы для разговора о себе; и признавал, что образы действуют независимо от того, действуют ли светила.

Чем зеркало полезно. Оно даёт слова тому, что не имело слов; даёт порядок разговору о себе; даёт повод увидеть противоречие и признать его. Всё это делают и иные языки — стихий, темпераментов, таро, — и астрологический старше и богаче.

Чем опасно. Барнумом: узнать себя во всём. Роком: принять описание за предписание. И подменой: разговор о карте вместо разговора о деле.

Мера. Зеркало показывает; смотрящий решает; и уходит от зеркала к делу. Кто остался у зеркала, тот не смотрелся, а смотрел.

Правило: *карта есть зеркало на языке светил; смотри, узнавай, спорь с увиденным — и отходи.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Упражнения

Языку учатся, как всякому языку: словарь, грамматика, чтение, речь; и упражнения здесь суть упражнения языка.

Своя карта. Построить по эфемеридам или программе, зная час и место; проверить асцендент; оговорить систему домов.

Словарь. Семь светил, двенадцать знаков, двенадцать домов, пять аспектов — выучить с происхождением значений: почему Марс — действие, почему тригон — согласие. Значение с происхождением помнится и не превращается в суеверие.

Фраза. Взять одно светило своей карты и прочесть как предложение: что, как, где, с чем. Записать. Потом — следующее.

Целое. Стихии, качества, полусферы, сильнейшее светило — прежде частей.

Барнум. Написать толкование своей карты и чужой; дать другу без подписи; узнает ли.

Глаголы. Перечитать любое толкование, отмечая «делает» и «значит»; переписать первое во второе.

Счёт. Если сказал проверяемое — записать и сверить через срок, как велит книга о случае.

Чтение. Птолемей «Тетрабиблос»; Лилли «Христианская астрология»; Аль-Бируни; и книга о герменевтике — о чтении вообще.

Правило упражнений то же, что всюду: ежедневно, помалу, с записью; об удержании — книга о воле.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гигиена толкующего

☆

Соберём ежедневные правила для того, кто читает карты — себе или другим.

Знай, на каком слое стоишь: считаешь, говоришь или веришь.

Час и место удостоверь; систему домов назови.

Целое прежде частей; фраза, не слово.

Противоречие в карте — правило; ищи, как уживается.

Говори частное и проверяемое; общее — Барнум.

«Значит», не «делает».

«Время для», не «будет».

Толкуй письменно и до встречи; лицо спрашивающего не должно править текст.

Не пугай и не спасай; описывай.

По одному знаку не говори.

Веди счёт проверяемому.

Отпускай: научи читать и не делай зависимым.

Правила эти строги, и строгость есть достоинство ремесла, которое язык вмещает всё: без строгости оно скажет всё и не скажет ничего.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила строящего карту

☆

Соберём правила для того, кто строит и толкует.

Строй как астроном: время всемирное, пояс, летнее время, широта; проверь дважды.

Оговори уговоры: тропическая или сидерическая, система домов, допуски.

Читай как герменевт: целое, части, целое; своё желание — отдельно.

Пиши как знающий язык: значения с происхождением, фразы, а не слова из словаря.

Говори как честный: частное, проверяемое, с противоречиями, с тем, что не подойдёт.

Различай разделы: натальное, хорарное, элективное — разные правила.

Не предсказывай событий; описывай время.

Не ректифицируй под толкование: это кривой эталон.

Не торгуй избавлением: исправлять нечего.

Помни близнецов: одна карта — разные люди; и оттого карта есть язык, а не приговор.

И помни, что строящий карту отвечает за три слоя разом — за часы, за язык и за то, во что верит спрашивающий после беседы с ним.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила читающего толкование

И правила для того, кому карту толкуют, — чтобы взять от ремесла зеркало и не взять рока.

Спроси, по чему толкуют: по Солнцу в знаке — уходи; по карте с часом — слушай.

Спроси о системе и о том, что было бы при иной.

Слушай глаголы: «значит» и «время для» — ремесло; «сделает» и «будет» — порча.

Ищи, чего не узнал: если узнал всё — это Барнум.

Не говори желания прежде толкования.

Не плати за избавление; плати за работу.

Не решай по карте; решай, поговорив с собою на её языке.

Помни, что склоняют, не принуждают, — и что уходить надлежит свободнее, чем пришёл.

Веди свой счёт, если тебе сказали проверяемое.

Отойди от зеркала к делу.

И помни, что читающий толкование читает текст о себе, написанный другим на старом языке; и всё, что сказано в книге о герменевтике о чтении текста, относится к нему прежде, чем к небу.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: небо и мера

☆

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Астрология есть *язык, читающий небо как систему знаков, а человека — как их отражение*; и слоёв в ней три. Вычисление есть астрономия — часы, идущие верно. Символика есть язык — семь светил, двенадцать знаков, двенадцать домов, пять аспектов, с значениями, выведенными из образов и сложившимися за три тысячи лет, последовательный и переводимый на языки таро, алхимии и темпераментов. Связь неба с человеком есть вера, и книга её не решает.

Ремесло — натальное, хорарное, элективное — честно, покуда знает, на каком слое стоит: считает как астроном, говорит как знающий язык, толкует как герменевт. Порча его — гороскоп по одному знаку, Барнум, предсказание событий, торговля страхом, «делает» вместо «значит» — узнаётся по глаголам и по тому, что спрашивающий уходит зависимее, чем пришёл.

Проверки мерят причину и предсказание и не находят их; язык и зеркало мерятся иначе — тем, можно ли на них сказать точное и увидеть своё. Звёзды склоняют, не принуждают; карта есть зеркало, и смотрящий отходит от него к делу.

И последнее. *Часы — устройство; язык — уговор; связь — вера*; кто различает три, тот пользуется ремеслом, не служа ему и не бранясь с ним. На этом стоит и небо, и мера.

✯

АСТРОЛОГИЯ
Система знаков и история
Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм

